

ГЛАВА 16

Казнь

Аркан 16. Наименования: *Башня, Молния с неба.*

Буква евр. алф.: *У Айн.*

Иероглиф: *Вещественная связь.*

Числовое значение: *70.*

Гностический символяриум: *Разрушение гордыни; Падение; Катастрофа; Небесная чистка недостойных; Утрата физического равновесия; Богодельня (1. Место, где делят именем Бога [+]; 2. Место, где «делают богов» [-]); Богодельня чванливых; Подстраховка Сатанаила Богом Отцом.*

Графические символы: *гексаграмма над двумя пентаграммами;
колесо сансары с 16-ю спицами;
четыре квадрата.*

Астральный знак: *Ур Козерог.*

Орденское описание. Башня в европейской мифологии является символом возвышения над остальными, власти («ты царь — живи один»), гордого отъединения, отпадения от братства, амбициозных притязаний на особое положение в обществе, сверхчеловеческой психологии и богоборчества. В каком-то смысле это пародия на столп стеллитора, и только по реакции Небес можно определить их реальную разницу. Ловкие людишки, проскочившие мимо строгого ока Экзаменатора, выжигаются Молнией с Небес, настигающей прохиндеев поштучно. Сколько именитых иерархов мирской и церковной власти пали раскоряками с насиженных мест известности и преуспеяния, когда Высшие Силы заглядывали за вполне добропорядочный внешний вид!

С другой стороны, *в высокие деревья ударяет молния*. Всё из ряда вон выходящее, возвышающееся над толпой начинает служить естественным громоотводом, принимать удары на себя, прикрывать собою «малых сих». Понятия *гений*, *герой* и *святой* особенно тщательно испытываются в Шестнадцатом классе Посвятительной школы. Другие же «отстают и остаются позади» на более ранних стадиях обучения. Прямой позвоночник и высокие мысли невольно делают из человека мишень для метательных орудий, и если можно словчить, увернувшись от бумеранга 15-го аркана, то защиты от молнии-фульминаты практически нет.

Однако что для недостойных наказание, то для достойных испытание, необходимое для *окончательной* проверки себя на готовность. Изготовление амфор заканчивается *обжигом* — глиняные глечики можно просто высушить на солнце. Стратификацию следует стряхнуть с вежд, как тяжёлый сон, хотя первый шаг в гору даётся с кровью. Горнее противопоставлено вальяжности долин, тем не менее оно не пригибается и под «альпинистской» настырностью самомнения. Кротость перед лицом Высшего Божества — единственный пропуск в Надземное, Неотмирное.

Стратификация

Пора подвести итог второму этапу Посвящения, наитяжелейшему, главному, связанному с прохождением через *смерть* (8-15 арканы).

Начинается он с *Отшельнического* ухода из мира, вычленения себя из стадного и стайного существования, смиренное принятие служения, отказа от своей воли и перенесения «центра тяжести» за пределы *этого* мира.

Тогда на смену физической силе как принципу доминации приходит *Сила* мысли и слова, которая укрощает на земле монстров агрессии и подавления и делает человека подлинным «венцом творения». Хищничество и разумность — *две вещи несовместные*.

Шансы на *Колесе Фортуны* некоторое время находятся в равновесии, перевес в сторону добра и света осуществляется личным усилием, работой всего существа. Загадка Сфинкса о человеке звучит именно в это время, и ответ на неё — есть прохождение души *по ту сторону* ступора паритетности.

Наступает пора жертвы и самоиспытания, чтобы выяснить, не захомотала ли человеческую статью какая-нибудь привычка, слабость или недостойность. Для этого перевёрнутая поза шей и головой вниз наиболее достоверно информирует об

отсутствии захребетников и угнетателей. Правда, приходится жертвовать уютом и комфортом и проходить через боль. Повешенный почти не связан с землёй, хотя ещё и не впаян в небо.

И вот главное испытание — прохождение через Смерть, вернее, пролетание сквозь, как в «Коньке-Горбунке», с мгновенным выходом в Преображение. Данте с Вергилием совершают такой трансцендентный переворот во время спуска из Ада по телу Люцифера; в Чистилище они оказываются вверх головой. Не умерев для *этого* мира, нельзя оказаться *в том* в правильной позиции. Этот навык человек получает в 12-ом посвятельном классе.

Привыкание к новому состоянию, характеризуемое русским «ни жив — ни мёртв», обработка молчания латентности живой и мёртвой водой завершает подземное пребывание умирающего и возрождающегося *зерна*. В этот момент Время замедляет свой ход, боясь спугнуть таинство преобразования. Человек медленно, но верно преодолевает “звуковой барьер” смертности, “продавливаясь” по ту сторону бытия чертами, прошедшими закал иммортальности. Увы, смертное не может служить Богу, может только прислуживать. Лишь с 14-ой ступени начинается подлинная готовность, что фиксируется капитальной экзаменацией, успешное прохождение которой завершает стратификационный искуc.

Сумма двух нижних угловых 8-го и 15-го арканов (или, попросту, Сатанаил с весами в руках — гностически наиболее полное его изображение) равна верховному 1-му. По завершении стратификации и происходит схлопывание, закрывая для посвящаемого обратное “схождение во ад” хтонической процедурности.

Посему встреча с Экзаменатором-Сатанаилом является вехой, страшной (своей *ответственностью*) и вместе с тем вождеденной. Встреча эта — высочайший дар Небес Возлюбленному 6-го аркана, прошедшему девять основных посвятельных ступеней. Его богоподобие не вызывает сомнения у Высших Сил, тем не менее сам испытываемый часто пасует, уже находясь у порога. Здесь без *милосердия* не обойтись. Воланд понимает это, как никто, и выискивает хорошую почву для зёрен своего небесного любимца Иешуа: *добро — это не одобрение, это — само зерно*. И нужно, чтобы его не склевали жадные птицы человеческих пороков и слабостей. Экзамен должен быть строгим, но монтаж идеала и реальности — нежёстким; и *гению*, и *святому* теперь не обязательно быть *героем*, т. е. удовлетворять чисто “языческой” добродетели. Недостаток по этой линии восполняют сами Высшие Силы. Может, именно поэтому Булгаков так тщателен и подробен с понятием *трусость*: самостоянье человека — залог величия его.

Так мы и подошли к первому шагу на *Пути в гору*. Этот шаг делается в Новозаветном тематизме. Вновь в зеркале сцены появляется Главный герой Романа.

Вторая Ершалаимская глава оформляется как *сон Ивана Бездомного в сумасшедшем доме*. Плавно вплывая в реалии Новозаветных событий, он перечёркивает двухтысячелетнюю дистанцию, правда, утверждая клинику Стравинского взлётной полосой к миру Иешуа. Главное — нет зазора, остранинности, условности в языке и стиле — ничего от вздохов членов партии виршевиков: “Трехи наши тяжкие,

стихи наши белые!..” Только ощутимо повышается важность каждого сюжетного элемента повествования и густеет их символическая значимость.

Идут активные приготовления к казни. Мы помним, что Пилат умыслил нечто, и текст начинает выдавать нам новую информацию. Так, *двойное оцепление* выставлено, получается, против еврейского назойливого досмотра, а не (смешно сказать) “злоумышленников”. Выясняется, что кавалерийская ала под командованием знакомого нам *сирийца* заняла все подступы к Лысой Горе, дистанцировав зрителей от места действия. Вскоре показалась повозка с тремя осуждёнными, а вслед за ней “двигались другие, нагруженные свежесрубленными столбами¹ с перекладинами, верёвками, лопатами, вёдрами и топорами. <...> За ними верхом ехали кентурион Марк, начальник храмовой стражи Ершалаима и *тот самый человек в капюшоне, с которым Пилат имел мимолётное совещание в затемнённой комнате во дворце*”.

Отметим, что нет в наличии никакого “несения креста”; быстрота, с какой был отдан на экзекуцию Иешуа, не соответствовала ни иудейским, ни римским обычаям. Так, согласно Талмуду, “в продолжение 40 дней выходил герольд и возглашал (об Иисусе Христе): этот ведётся для побиения камнями, потому что он обманул Израиля. Кто знает что-нибудь в его защиту, может прийти и сказать. Но не нашлось никакой защиты; поэтому он был повешен вечером праздника Пасхи”². Этот камуфляж измышлен отнюдь не для того, чтобы оправдаться (как хотели бы думать церковники), а чтобы скрыть правду. Кроме того, бросается в глаза ничем не мотивированная разница в определении вида казни и того, что было приведено в исполнение.

То же и с римским законодательством.

“У римлян был закон, изданный Тиверием, вследствие коего смертная казнь совершалась не прежде 10 дней после приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Он судим был и по римским, и по иудейским законам, ни то, ни другое обыкновение не оказало никакого действия”³.

Значит, Пилату *так* было нужно, а Каифе — выгодно.

Если бы прокуратор сползёл к вынужденному решению под напором обстоятельств, он как минимум потянул бы время в пределах отпущенного по закону в расчёте переиначить приговор. Он же задумал совсем другое; синедриону его поспешность оказалась на руку: важно было быстрее “закрыть дело”.

Вновь появляется в поле зрения “маленький командир алы”, борющийся, как и его солдаты, с *дьявольской* жарой. Расчистив от зрителей холм и заняв круговую оборону от любопытных, они играли на виду у всех свою нехитрую игру.

Дальше звучит нечто примечательное:

“Опасения прокуратора насчёт беспорядков, которые могли произойти во время казни... по счастью не оправдались. <...>

¹ Адепт религии Бога Живаго, Булгаков тщательно избегает слова *крест* в повествовании.

² Цит. по К.Р. Времена года. Избранное. Спб, 1994; 368.

³ Там же.

Никто не сделал попытки отбивать осуждённых ни в самом Ершалаиме, наводнённом войсками, ни здесь, на оцепленном холме, и толпа вернулась в город, ибо, действительно, ровно ничего интересного не было в этой казни, а там в городе уже шли приготовления к наступающему вечером великому празднику Пасхи”.

Только при перечитывании бросается в глаза тождество интонаций в “беспокойстве” Пилата за жизнь Иуды и опасения насчёт беспорядков. Задача оставить иудеев “ни с чем” была ансамблем исполнителей блестяще выполнена: “...Когда побежал четвёртый час казни, между двумя цепями, верхней пехотной и кавалерией у подножья, не осталось, вопреки всем ожиданиям, *ни одного человека*”. Теперь Афраний мог осуществлять тонко задуманный финал.

Проследим ход событий.

Почти мифический “великий кентурион” Крысобой прохаживался на солнце, пуская *зайчиков* серебряными накладными *львиными* мордами, не чувствуя усталости. Он весь был сосредоточен на точном исполнении задания командира.

Невдалеке от столбов “человек в капюшоне” сидел в “благодушной неподвижности”, ковыряя от нечего делать прутиком песок перед собой. Благодушие же его было связано с тем, что события шли согласно задуманному плану.

В этот план, не подозревая ни о чём, входил человек, одиноко томившийся поодаль от места казни, испытывавший невыразимые страдания от всего происходящего. Имя его уже прозвучало во время допроса арестованного, и Пилат не терял времени: люди Афрания давно уже пасли незадачливого сборщика податей.

“— О, я глупец! — бормотал он, раскачиваясь на камне в душевной боли и ногтями царапая смуглую грудь. — Глупец, неразумная женщина, трус! Падаль я, а не человек!”

Несмотря на состояние аффекта, каждое его слово — правда. Ибо происходящее вдали он истолковывал на глазок, слишком истерично, превратно. Он вспоминал предшествующие события и бросал *укор року*, преследовавшему его последние дни.

“Позавчера днём Иешуа и Левий находились в Вифании под Ершалаимом, где гостили у одного огородника, *которому чрезвычайно понравились проповеди Иешуа*”. Судя по всему, это был Симон Киренеянин, а огород принадлежал Иосифу Аримафейскому, члену Синедриона и одному из *тайных поклонников* Христа. Возможно, именно на встречу с ним Иешуа вдруг заспешил в город (ссылаясь на “неотложное дело”) “и ушёл около полудня один. Вот в этом-то и заключалась первая ошибка Левия Матвея. Зачем, зачем он отпустил его одного!

Вечером Матвею идти в Ершалаим не пришлось. *Какая-то неожиданная и ужасная хворь поразила его. Его затрясло, тело его наполнилось огнём, он стал стучать зубами и поминутно просить пить. Никуда он идти не мог. Он повалился на попону в сарае огородника и провалялся на ней до рассвета пятницы, когда болезнь так же неожиданно отпустила Левия, как и напала на него*”.

Когда он пришёл в Ершалаим, всё уже совершилось; он попал как раз на чтение приговора.

Это — узловой пункт всей мистерии.

Вне пределов профанной видимости остаются два важнейших момента: *почему* так заспешил Иешуа и *ушёл один*; *зачем* поразила Левия Матвея лихорадка и *кто* её наслал на него.

Восприятие Иисуса Христа как безвольной жертвы, как некоего блаженного, которого ловят злыдни, умышляя против простодушия и строя козни взрослому дитяте — это неверный и даже клеветнически-ложный образ⁴. У Иисуса было несколько верных, преданных и любящих друзей; они следили за каждым его шагом, поддерживали и помогали ему. Достаточно вспомнить о Лазаре, кто, судя по реакции Христа на его смерть (единственные в Новом Завете слёзы Мессии!), был его ближайшим спутником и товарищем в годы ученичества и странствий. Возможно, что он и был тем таинственным “бен Перахая”⁵, с кем Иисус, согласно Талмуду, путешествовал в Египет. Необъяснимая эмоция Христа в случае смерти Лазаря была адекватным откликом на неизвестные широкой публике обстоятельства.

Или, например, волхвы. Невозможно представить, что те, кто проделал столь целеустремлённый путь, приветствуя появившегося на свет Царя Мира, после торжественной встречи забыли Его и оставили о Нём всякое попечение. Неведомый миру тайный контакт наверняка продолжался, и чем дальше, тем большее число преданных адептов подключалось к Нему. Атмосфера полного благоприятствования окружала Иешуа в этих неафишируемых оазисах, куда он постоянно отлучался, покидая на время своё неповоротливое стадо. “Тугоплавная” мысль “учеников” не позволяла душе Иисуса расслабляться в покое равенства; единственный случай, *сон на озере*, описывается евангелистами как ЧП. Общаться с друзьями Он вынужден был крадучись, по ночам. Одну такую встречу — с Никодимом — описывает Иоанн. А сколько было подобных! По косвенным намёкам вырисовывается особая *деятельность* с какими-то фантастическими — на фоне новозаветной скудости — результатами. Целые области и регионы находились под властью Иисуса из Назарета, например, город-государство Эдесса с правителем Абгаром (Авгарём). С такой же лёгкостью завладевает Булгаковский Иешуа Кесарией Стратоновой, вотчиной римского прокуратора. Так что «избиение младенцев» — это было вначале, в конце — было *совсем другое*.

На самом деле началось глубоко и тонко задуманное сражение, генеральная идеологическая битва, какую *они* — Иешуа со товарищи — дали всему *старому миру*, и ещё на подступах к полю брани Христос уже *з н а л*, что он *победил мир*, и говорил об этом.

Кучка авангардно мысливших светочей-поклонников и оружие толпы традиционалистов и обскурантов — такова исходная расстановка сил; и наивно было бы думать, что всё происшедшее потом *случилось*, *свалилось как снег на голову*, *обернулось*: Иешуа готовился *к этому* всю жизнь.

---

⁴ Об этом говорит обучение апостолов *ловецкой хитрости* с целью выковать из них идеальных «ловцов человеков».

⁵ Имя Иосиф (бен Перахая или Перахита), упоминаемое Талмудом, может быть одним из имён персонажа.

Страдание — да, было; страдательного залога — нет.

Бодрость — оборотная сторона *добрости*, а *добрость* с перебитой артикуляцией становится *доблестью* наперекор садистам и злопыхателям.

Женщины, которых Булгаков не подпустил к *событиям* чрезвычайной значимости, были на стороне Назаретского пророка: жена Пилата Клавдия Прокула, жена домоправителя Ирода Антипы Хузы Иоанна, сёстры Лазаря Марфа и Мария, Мария Магдалина, Мария Клеопова, Вероника — вот только основные участницы Новозаветной мистериальной драмы, опекавшие Его. “Женская линия” Романа сконцентрирована в Низе, *недаром* носящей такое имя: оно функционально значимо в драматургии событий. И мужское окружение Иешуа отнюдь не представители *верха*: для этого в них слишком мало *веры*, а уж веселья *ха* вообще не видать.

Левий Матвей — под присмотром — поспешает на место событий, по дороге уворовывая в булочной *хлебный* нож. Вся мощь евхаристийной символики втиснута в этот эпитет, выглядящий столь органично, что никому и в голову не приходит скрытая сила его духовной эмблематики. Во-первых, мистическое место рождения Мессии — городок Вифлеем (евр. «дом хлеба»), а момент рождения — начало эпохи Рыб, оппозиционно перекликающейся на Астрософийном круге с эпохой *Девы с колосом-Спикой в руке*. Во-вторых, будучи архетипом и концептом обожествлённых культурных героев Осириса, Диониса, Таммуза, Адониса и т. д., предлагающих в экстаике празднеств сбора урожая себя-сноп на поедание, себя-гроздь на выпивание сока, Христос лишь закрепил во время Тайной вечери эту духовную ритуалистику, отменив прошлые ритуалы. Но и в Булгаковском “протокольном” письме остаётся место для мифологической наполненности и значительности вроде бы простых элементов текста.

Левий покушается на убийство Иешуа (извращённый до наоборотности “синдром Азазелло”), и если бы он был оставлен без присмотра, беды бы не миновать. Вместе с тем, его, единственного свидетеля совершавшегося, и не гнали, выдерживая до времени вне игры.

Однако терпению Левия пришёл конец. Начинается истерика отступничества и богохульства. Потребовав у Бога чуда немедленной смерти Иешуа и не получив ожидаемого, Левий завопил:

“— Проклинаю тебя, Бог!

Осипшим голосом он кричал о том, что убедился в несправедливости Бога и верить ему более не намерен.

— Ты глух! — рычал Левий. — Если бы ты не был глухим, ты услышал бы меня и убил его тут же!

Зажмурившись, Левий ждал огня, который упадёт на него с неба и поразит его самого.⁶ Этого не случилось, и, не разжимая век, Левий продолжал выкрикивать язвительные и обидные речи небу. Он кричал о полном своём разочаровании и о том, что *существуют другие боги и религии*. Да, другой бог не допустил бы того,

---

⁶ Этой декоративно-театральной реализации содержания аркана Булгаков сознательно не даёт хода.

никогда не допустил бы, чтобы человек, подобный Иешуа, был сжигаем на солнце на столбе.

— Я ошибался! — кричал совсем охрипший Левий. — Ты бог зла! Или твои глаза совсем закрыл дым курильниц храма, а уши твои перестали что-либо слышать, кроме трубных звуков священников? Ты не всемогущий бог. Ты чёрный бог. Проклинаю тебя, бог разбойников, их покровитель и душа!”

Как незаметно и ненавязчиво текст переключается с большой буквы в слове Бог на малую. Это не выглядит подтасовкой, ведь кукольность диспозиции сообщает сцене пропорции ярмарочного гиньоль-театра, драматургию вертепчика. И слово *Бог* сжалось, как шагреневая кожа, и тогда из соседних отсеков бутафорских небес стали высовываться “другие боги”, злорадно внимая крикуну, но даже не заикаясь о перевербовке скандалиста. Вдруг обнажившийся похабно-религиозный релятивизм в самом сердце ещё вчера горделивой культовой амбициозности более нелеп и беспомощен, чем прощальное “О, Боже!” в устах Берлиоза (окончательный вариант “Неужели?..”). Помимо неистребимого в душе профана политеизма, душа Левия, ставшая вдруг прозрачной до дна, обнажает и дикий аборигенский дуализм с делением богов на *чёрных* и *белых*. Карнавальная дискредитация этой ахинеи в лице “чёрного мага в мятой белой ночной сорочке” выносит вердикт по поводу ученических претензий Левия Матвея задолго до того, как звучит припечатывающее “раб”. По прозвучавшей тираде становится ясно, почему так яростно отрещищается Иешуа от козлиного пергамента. Действительно, величины несопоставимы.

События разворачиваются согласно мифологической мистериальности: на город неожиданно наваливается гроза. Вовлечённый как случайный статист в величественную космическую драму Левий “тут же, глядя на нити огня, раскраивающие тучу, стал просить, чтобы *молния ударила* в столб Иешуа”. И этого не случилось (“Левий подумал, что безумно поспешил со своими проклятиями: теперь Бог не слушает его...”), произошло совсем другое. Молнии били в “ненавидимый прокуратором” город, распугивая любопытствующих; ливень создавал водяную завесу, и последний акт мистериальной драмы можно было проводить без свидетелей. Так что Высшие Силы были заодно с Понтием Пилатом, а не с жалким *рабом* и скандалистом.

Однако режиссёр уже отдал распоряжение к смене мизансцены. Из Ершалаима с поручением прискакал командир когорты. “Цепь солдат по мановению Крысобоя разомкнулась, и кентурион отдал честь трибуну. Тот, отведя Крысобоя в сторону, что-то прошептал ему. Кентурион вторично отдал честь и двинулся к группе палачей, сидящих на камнях у подножия столбов. Трибун же направил свои шаги к тому, кто сидел на трёхном табурете, и сидящий вежливо поднялся навстречу трибуну. И ему что-то негромко сказал трибун, и оба они пошли к столбам. К ним присоединился и начальник храмовой стражи”.

Взяв экспозицию издалека, как бы от места нахождения Левия, Булгаков достигает сразу двух важных целей: оставляет тайное тайным и даёт понять, почему информация о подлинных событиях не просочилась на страницы Канона. Так что Левий остаётся не в курсе истинного значения происходящего.

Лишь после этого висящие “на столбах”⁷ снова берутся крупным планом. Следует последняя акция добросердечия Иешуа (“Дай пить ему”), и она *геологически* обрушивает в ответ великодушие игемона.

“Палач снял губку с копья.

— Славь *великодушного* игемона! — *торжественно* шепнул он и *тихонько* кольнул Иешуа в сердце. Тот дрогнул, шепнул:

— Игемон...

Кровь побежала по его животу, нижняя челюсть судорожно дрогнула, и голова его повисла”.

Причём в это время (вот подлинные постановщики действия!) “сверкнуло и ударило над самым холмом”.

Лишь по видимости с остальными двумя происходит то же. На самом деле нет тех *особых* слов (они у меня выделены курсивом), которые имеют отношение *только* к Иешуа; нет и *таких* действий. Разбойникам повезло: их мучения прекратили досрочно.

Что же случилось с Иешуа?

Вопрос!

Впрочем, ответ на него — *есть*.

Постфактум, разбирая случившееся и отчасти защищаясь от обвинений, еврейские мудрецы высказали глубокую и резонную мысль: если бы распятый под видом мессии галилеянин был действительно Сыном Божиим, то *Бог не мог бы не выполнить* его просьбу в Гефсиманском саду, не говоря уж о том, что выглядит невероятно, чтобы Бог добровольно отдал своего Сына дикой толпе на издевательство и мученическую смерть. Ведь и жертвоприношение Авраама было остановлено в последний момент, и всем сразу стало ясно, что в небесах не кровожадный Вала, но любящий Отец, лишь *испытывающий*, но не *казнящий*.

Есть и ещё одно важное соображение. “Невозможно представить, чтобы гордый, суровый и указующий еврейский бог снизошёл до воплощения в человеческий облик”.⁸ Ещё менее представимо, чтобы испытывал не *Он*, а испытывали *Его*. И уже совсем невероятной представляется его вассальная покорность собственной твари.

Иисус Христос суть Планетарный Логос, сущность заявленная, поименованная и по мере возможности описанная Иоанном в его Евангелии, базисном тексте для Булгаковского откровения.

Вплотившись в тело земного человека и избыв под ноль его карму и генетику в течение 30 лет путешествий по миру и учёбы в ессейских общинах, Иисус из Назарета приступает к *делу всей жизни* — провоцированию единоборства между

---

⁷ Помимо избегания слова *крест*, Булгаков ещё активно использует идиоматику выражения “позорный столб”, “пригвоздить к п.с.”.

⁸ Я понимаю, что в это трудно поверить, но недавно книгу о Христе написал... *Пилат!* Я отношу это к мистике создания моего исследования. Во всяком случае, цитата оттуда: Пилат Б. В. Две тайны Христа. М., 1998; 46. *Б.В.* выглядит как сокращение от «*бывший всадник*».

человеком *штучным* и человеком *роящимся*, ибо зёрна и плевелы, агнцы и козлища, коих Он пришёл разделить, принадлежали как раз к этим двум категориям людей.

Первым на приход в мир Мессии реагирует *штучное человечество*: волхвы, представляющие целые этнокультурные регионы, начинают свой путь в Палестину задолго до появления на свет божественного младенца... И любовь ко Христу волнами перекачивается по миру; нужно было лишь время для информационной осведомлённости лучших людей планеты. Вот письмо Иисусу упомянутого выше Абгара Эдесского:

“Абгар, топарх Эдессы, шлёт привет Иисусу, Спасителю благому, явившемуся в пределах Иерусалимских. Дошёл до меня слух о Тебе и об исцелениях Твоих, что Ты творишь без лекарств и трав. Ты, рассказывают, возвращаешь слепым зрение, хромым хождение, очищаешь прокажённых, изгоняешь нечистых духов и демонов. Ты излечиваешь страдающих долгими болезнями и воскрешаешь мёртвых. Слушал я всё это о Тебе и усвоил умом одно из двух: или Ты Бог и, сойдя с неба, творишь такие чудеса, или Ты Сын Божий, творящий чудеса. Поэтому я и написал Тебе и прошу Тебя: потрудись, приезжай ко мне и болезнь мою исцели. *Слышал я ещё, что иудеи ропщут против Тебя и против Тебя злоумышляют. Город мой очень маленький, но почтенный, и его нам двоим хватит*”.⁹

Ропот и ненависть одних, восторг и обожание других должны были рано или поздно столкнуться в единоборстве. Христос не только не смазывал, не смягчал противоречия двух оппонирующих сторон, но всячески обострял и размежёвывал их. Поскольку ситуация “схлопывалась” вокруг Него, Он и “вызывал огонь на себя”; между тем профаны, видя надвигающиеся на Иешуа тёмные силы, создали легенду о Его овечьей покорности обстоятельствам. Хотя с ней абсолютно не вяжутся вызывающие действия (изгнание торгующих) и слова Назаретского пророка (знаменитая речь о разрушении Иерусалимского храма). В силу казавшейся полной немотивированности поступков Христа создалось впечатление его поведения “по наитию”, с якобы полной безответственностью и нелогичностью (например, эпизод с покупкой мечей и отказ от их применения¹⁰). Речь шла всего лишь об ураганной скорости движения событий; во многих случаях даже сам Иисус не знал о ближайших планах его сторонников. То, что Канон не сохранил “подводную” часть происшествий, заметили давно, да только разговор на эту тему находился под запретом. И создалась картина, описываемая в стиле *идиотизма* князя Мышкина: “Мессия, *мешиге*, мешигенер, это слово, вернее его трансформация, сохранилась на иврите, перекочевала на идиш... Мишиге — безумный, нар — дурак (дурачок), лучше всего это сочетание переводится как «блаженный». <...>

Конечно, иудеи на протяжении десятков, сотен лет ждали мессию, но их нетерпение было подорвано огромным количеством шарлатанов, чётко улавливающих настроение масс. И эти самозванцы сделали прагматичным и недоверчивым как народ, так и Синедрион. Вариант, когда Моисей получил на горе Синайской

⁹ Иисус Христос в документах истории. Спб, 1998; 430 (курсив мой – ОК).

¹⁰ Лк 22; 36, 49-51.

свои десять заповедей и, спустившись, оповестил народ иудейский, что беседовал с богом, теперь бы уже не прошёл... В [народе] не было веры”.¹¹

Что же касается *чудес*, к которым Христос не раз апеллировал как к аргументу, то на эту тему еврейство вынесло такой вердикт: в талмудических текстах Бен Стада (так там именуется Иисус) предстаёт как маг-чародей, научившийся магии в Египте. “Равви Элиезер сказал мудрецам: не на теле ли своём Бен Стада вывез магию из Египта? Ему ответили: он был безумным, а случай с безумным нельзя приводить в доказательство”.¹²

Таким образом, *Мессия-машиах* медленно сполз в *мешиге* и под пером Достоевского превратился в *Мышкина*, а пророческая проповедь обернулась запинаящимся лепетом душевнобольного.

Недаром у Булгакова “клиника Стравинского” становится *взлётной полосой* в высшие сферы.

Мы видим, что путь к истине является узкой перемышкой между двумя безднами: холодного сухого рационализма-атеизма и блажного легковерия, бултыхающегося в жидкой трясине бытового мистицизма.

Поэтому камертонное присутствие на земле самого Планетарного Логоса, или (что то же) воплощённой Истины, было *крайне необходимо*, помимо приятности общения и пользы, т. е. излечения от недугов; в то время как интеллигенция мира никогда не была в пассиве (кстати, *активность*, действенность, входит в понятие интеллигентности вообще).

При учёте всех этих обстоятельств суть заговора Пилата-Афрания становится в достаточной степени внятной. Как было сказано ранее, ко времени написания Булгаковым своего супертекста появилась знаменательная публикация, в ней некий симбирский арамей пытался от имени всего еврейства *разоблачить до конца* “пресловутый миф” об Иисусе, заодно обнародовав некие секретные данные, сохранённые только в своём этническом круге.¹³ Увлечённый этой патетикой автор опуса публикует сведение, взрывную мощь которого он тогда не мог даже вообразить.

Сотник Петроний (по Канону: Корнилий, Лонгин; Петроний появляется только в Евангелии Фомы), добывая Иешуа на кресте, делает это профессионально, так чтобы тот остался жив, приговаривая: “Я знаю, как ударить, и умею ударить” (столь же виртуозно орудует и Марк Крысобой при экзекуции Иешуа). В результате в пьесе “симбирского беспристрастника” *И е ш у а о с т а в а л с я ж и в (!)*. Обнаружение этой невероятной правды, тщательно скрывавшейся тысячелетия, оправдывается, по мысли автора (он наверняка действовал по заданию всего кагала), финалом, где Иешуа пересматривает свои взгляды. Обращаясь к своему спасителю, он говорит: “Больше не хочу. Довольно. Если бы весь мир предложил мне все царские троны, я с отвращением отказываюсь от них. Ты прав, добрый воин,

¹¹ Пилат Б.В. Две тайны Христа. М., 1998; 17 (с испр. – ОК).

¹² Иисус Христос в документах истории. Спб, 1998; 316.

¹³ Чевкин С. М. Иешуа Ганоцири: Беспристрастное открытие истины. Симбирск, 1922.

пророки — невежественные мечтатели и лгуны. Они обманули меня. *Два раза* ради вздорной мечты *я опускался в бездну смерти*. И этого для меня довольно”.¹⁴ Прямо скажем, не густо для дискредитации Великого Воспитателя всего европейского человечества (теперь уже — и мирового).

Но что характерно. Дискредитация Иешуа как “заблудшего мальчика, соблазнённого злыми дядьками-пророками” сопровождается у “травматурга” из Симбирска не меньшей дискредитацией и Понтия Пилата, кто под его самопишущим жалом выглядит грубым, циничным и беспардонным политиканом. Вот рассказ Пилата своему другу Элии Ламии о Иешуа:

“Когда я допрашивал его, он плёл какую-то чепуху о новом царстве, населённом стойками. Несомненно это фанатик, маниак, а может быть просто безумец. Во всяком случае, я вижу, он взбудоражил весь муравейник. Гм... такие люди нам полезны. Сея смуту, они помогают разделять и властвовать. Не нужно только, конечно, спускать с них глаз и вовремя подрезать им крылья”.¹⁵

Задача автора опуса была простой — утопить Новозаветную историю в холодной тине взаимных интриг и сугубо делового расчёта, где просто нет места “раскисону” духовности и “раскляченности” добра. Стремясь максимально обмазать нечистотами драгоценный кусок исторической правды, симбирский драматург готовит главный удар: разоблачение басни о воскресении, вознесении и прочих христианских небылицах. В этом господа Синедрион просчитались по-чёрному. Хотя на самом деле этот эпизод Новозаветной истории наиболее уязвим для критики.

Сомнительный, поповый и прямо-таки кичевый характер “пасхальной” (никакого отношения к празднику *пейсах* не имеющей) ритуалистики с идиотическими восклицаниями “Христос воскрес! — Воистину воскрес!” давно просился на разоблачения по причине полной его нелогичности и просто-таки наоборотности оригиналу. На самом деле, если «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. <...> И Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как едиnorodного от Отца», то в каком виде Оно может пребывать, *кроме как живом*? Аборигенские выкрики характеризуют лишь категорическое недоверие к информации евангелиста, непонимание структуры Христа и незнание специфики понятия *бог*. Каким образом смертная тварь намеревалась уничтожить *божественное*? Значит, Иисуса из Назарета держали за полупомешанного плотника из Галилеи, а потом *под событие* стали оглушать себя и других жалкими вскриками, не прикрывая (как им хотелось бы), а наоборот, ещё глубже обнажая своё полное духовное банкротство.

И было так: земная история Иешуа продолжалась по земным канонам и кондициям; то, что обозвали воскрешением, на самом деле было *реанимацией* — но что это меняет? Иисус является воплощённой Истиной за счёт своего реального наполнения, а отнюдь не потому, что кто-то считает его таковым и нужно судорожно соответствовать этому мнению. Во временной перспективе отчётливо стало видно,

¹⁴ Там же; 29 (курсив мой. – ОК).

¹⁵ Там же; 82 (с испр. – ОК).

что на вопрос: *стоил ли мир того, чтобы такое существо, как Христос, отдало за него свою жизнь*, — лучшие люди земли в один голос ответили бы — *н е т , н е с т о л*. И стали бы в очередь, если бы было возможно сдать назад свои “билеты”, только чтобы его оживить.

Так они в своё время и сделали, “роман о Пилате” — об этом. Пилат не простил себе минутной растерянности, того что он на мгновение дрогнул и подверг *такое существо* мукам и надругательству — это ужé было непозволительным кощунством и мерзостью. Он, гражданин страны Овидия, Вергилия и Сенеки, не мог позволить обстоятельствам так унижить собственное достоинство.

Что же касается трепета при имени императора (“Тогда ты не друг цезарю!”), то это было лишь кратким замешательством. Почти сразу в голове стратега выстроилась цепь веских для высшей власти аргументов, почему именно надо было сохранить жизнь Иешуа Га-Ноцри.

И так же, как в симбирском опусе “Петроний наносит удар, будто бы добывающий Иешуа, а в действительности лишь обеспечивающий ему необходимое кровопускание (сотник понял, что Пилат сочувствует осуждённому и... даёт понять своему начальнику, что Иешуа останется жив)”¹⁶, у Булгакова некий “палач” совершает ту же процедуру не менее ювелирно. Его работу принимает Афраний:

“Остановившись у первого столба, человек в капюшоне *внимательно* оглядел окровавленного Иешуа, *тронул белой рукой ступню* и сказал спутникам: — Мёртв”.

Это во избежание перепроверок не имеющих отношения к делу людей.

Для камуфляжа то же было проделано и с другими.

После этого оцепление снимается с места казни. В это время шквал обрушивается с небес. “Через несколько минут в дымном вареве грозы, воды и огня на холме остался только один человек”.

Вот для чего держали “в засаде” Левия Матвея. — Настал и его черёд в скрупулёзно продуманном действе. И вот для чего у него не отняли нож.

Он перерезал верёвки на теле Иешуа; “голое влажное тело... обрушилось на Левия и повалило его наземь. Левий тут же хотел взвалить его на плечи, *но какая-то мысль остановила его*. Он оставил на земле в воде тело с запрокинутой головой и размётанными руками и побежал на разъезжающихся в глиняной жиже ногах к другим столбам. Он перерезал верёвки и на них, и два тела обрушились на землю”.

Так что за мысль дошла до Левия Матвея?

Он вдруг сообразил, как поражённый громом, что *он был учтён в происходящих событиях*, что ему освободили место для действий и что ему не нужно *красть*, но — действовать так же тонко и осмотрительно, как действовали люди перед ним.

“Прошло несколько минут, и на вершине холма остались только эти два тела и три пустых столба. Вода била и поворачивала эти тела.

Ни Левия, ни тела¹⁷ Иешуа на верху холма в это время уже не было”.

¹⁶ 64; 64-65.

¹⁷ Гениальная тонкость Булгакова: нигде он не употребляет слова *труп*.